

concludes about the transformation of the self-presentations of the Supreme power in the important legal instrument of the Russian state policy in the XVII century.

Keywords: "the art of memory, legislative strategy, ceremonial text of the first Romanovs, autocracy, supra-estate monarchy, legal discourse.

Код ВАК 07.00.02, 07.00.03

С.Н. Хомченко

ВЫМЫШЛЕННЫЕ СЮЖЕТЫ В МЕМУАРАХ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ 1812-1814 гг.

Известны более сотни воспоминаний военнослужащих Великой армии, находившихся в русском плену в 1812-1814 гг. Однако некоторые мемуаристы или издатели, в первую очередь французские, позволяли себе вводить в собственно воспоминания полностью вымышленные сюжеты, преимущественно лирического характера. Одними из первых книг, рассказывающих широкой публике об условиях русского плена недавно законченной войны, были напечатанные в Париже в 1815 и 1817 гг. «Пленный в России» и «Путешествие французского офицера...». В статье сделана попытка выявить фантазийный характер фрагментов этих книг.

Ключевые слова: Эпоха 1812 года, русская провинция, военнопленные, мемуары, художественный вымысел.

Идея написания данной статьи возникла благодаря знакомству с работой В.Н. Земцова «Уральская провинция в 1812-1814 гг...», основные положения которой были озвучены на Малоярославецкой конференции 2007 г. В ней автор не только доказал художественную суть популярных якобы «мемуаров» сержанта Гийемара, впервые вышедших в 1826 г., но также определил настоящих авторов этой книги и основной источник их вдохновения.³¹¹

Однако идея введения в мемуарную литературу вымышленных сюжетов, а то и издания под видом мемуаров полностью выдуманных событий на историческом фоне, да еще и перемещение места действия в относительно экзотичную российскую провинцию, была к тому времени не нова. Попробуем подтвердить это на примере двух книг,

Хомченко Сергей Назарович, старший научный сотрудник Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника (143240, Московская обл., Можайский р-н, п/о Бородино, кандидат исторических наук. Электронная почта: sergey_1812@mail.ru

Khomchenko Sergey, Senior researcher of the State Borodino War and History Museum-Reserve (143240, Moscow Region, Mozhaisky district, Borodino), Candidate of History, Телефон/Phone: +79057368180. Электронная почта/E-mail: sergey_1812@mail.ru.

³¹¹ Земцов 2007: 96-115.

вышедших соответственно в 1815 и 1817 гг. и, несомненно, знакомых авторам «мемуаров Гийемара».

В 1815 г. в Париже вышла книга Ш.П.А. Бургоэна «Пленный в России», быстро ставшая популярной и несколько раз переиздававшейся в ближайшее время не только на французском, но и немецком и голландском языках.³¹² По сути, это частью переписка главного героя с родственниками и родственников между собой, а частью – дневник героя. Позже в библиографических справочниках книга аннотировалась как описание пребывания в плену старшего брата автора, капитана барона А.М.Ж. Бургоэна. Однако детальное изучение этой книги заставило усомниться в её мемуарном характере. Начать с того, что главного героя повествования зовут Альфред де М* и он офицер гусарского полка, между тем как брата автора звали Арман Марк Жозеф и он был адъютантом маршала Нея, а имя самого автора – Шарль Поль Амабль, и он в 1812 г. – су-лейтенант, старший адъютант 5-го вольтижерского полка Молодой гвардии. Кроме того, судя по тексту, у героя имеется одна сестра, а в действительности же в семье Бургоэнов было три сына. Еще один важный момент: Арман Бургоэн попал в плен в госпитале в Мариенбурге в начале 1813 г., герой же книги – в бою на улицах Вильны в декабре 1812. Но есть и некоторые детали, выдумать которые в 1815 г., не имея личного опыта и не общаясь с участниками описываемых событий, было невозможно. Автор и его источник (в лице брата), несомненно, были в Бородинском сражении, видели пожар Москвы, испытали на себе тяготы отступления. Упоминание о том, что пленным офицерам при переездах полагались одни сани на двоих, подтверждает, что автор действительно был знаком с правилами их транспортировки. Описание пребывания в Вятке и Казани подкреплены архивными материалами о пребывании здесь в плену барона Армана Бургоэна и свидетельствами других пленных.³¹³ Но в целом эти подробности составляют меньшую часть повествования. Основное же место в книге уделено любовно-авантюрной линии с чередой удивительных совпадений и непременно счастливым концом. Особую прелесть тексту придают постоянные возгласы «Ах!», «Увы!» и «О, Аньела!».

³¹² Bourgoing 1815 ; Bourgoing Leipzig 1815; Bourgoing Wien 1816; Bourgoing Frankfurt 1816; Bourgoing 1817. Вероятно, наличие у автора титула барона стало причиной отсутствия его имени в заглавии книги. Свидетельством её популярности даже через много лет стал выход в 1840 (!) году пьесы «Аньела или пленные в России...» (Aniela 1840).

³¹³ ГАКО. Ф. 852. Оп. 7. Д. 28. Л. 12-14; Оп. 80. Д. 3. Л. 291-295, 305, об; НАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 132, 162, 235. Хорошо о казанском губернаторе Мансурове отзывались также, например, хирург Д. Фюзейе (Fuzellier 1991: 166) и упоминаемый в данной статье П. Ноказ (Voyage 1817: 203).

Итак, в сентябре, проходя с одним из французских гусаров по имени Тьерри по улицам Москвы, Альфред остановился перед догорающими остатками большого дворца. Уцелел лишь маленький павильон, но порыв ветра перебросил на его крышу несколько тлеющих углей, и здание с минуты на минуту мог охватить огонь. Решив сохранить павильон вначале для себя, а потом для какой-нибудь несчастной семьи, Альфред с Тьерри вбежали внутрь. В одной из комнат они увидели постель, на которой лежала больная дама, а рядом на коленях молилась молодая девушка. Эта набожность, небесное выражение прекрасного лица, озаренного проникавшим с улицы светом огня, вызвали у Альфреда некоторое волнение. Успокоив испуганных женщин, он объяснил причину своего появления и пообещал немедленно уйти после того, как огонь будет потушен. Голос поблагодарившей его девушки добавил привлекательности к её красоте и заставил молодого человека окончательно проникнуться чувством сострадания.

Ликвидировав опасность, Альфред тут же получил возможность вновь отличиться. На пороге комнаты возникло несколько французских мародеров, бросавших на всё жадные взгляды. Двое гусар изгнали их и тут же получили приглашение остаться жить на первом этаже. Дама оказалась природной француженкой Фанни де Б*, эмигрировавшей после революции и вышедшей замуж за русского князя Л*, кавалерийского генерала, убитого в сражении на Москве-реке. Их сын, князь Владимир, погиб в тот же день, а его вдова с двумя маленькими дочерьми покинула Москву перед приходом победоносной французской армии. Тяжелая болезнь не позволила несчастной княгине уехать из города, а её шестнадцатилетняя дочь Аньела (Aniela) осталась с ней. Все последующие недели Альфред, очевидно, игнорируя службу, оставался в этом доме и все больше привязывался к его обитательницам. Вскоре выяснилось, что княгиня знакома с матерью Альфреда, поэтому осталось только благодарить providение, которое послало молодого человека на защиту слабых женщин.

В середине октября княгиня Л*, чувствуя приближение смерти, призвала Альфреда и поручила Аньелу его заботам. Тот, в свою очередь, попросил руки девушки, на что княгиня дала своё благословение. На следующий день она умерла и была похоронена в саду у павильона. Оставшаяся сиротой, Аньела согласилась уехать с Альфредом во Францию. Тот письмом известил домашних, чтобы семья готовилась встретить новую дочь и сестру.

Далее последовали ужасы отступления. На Березине Альфред и Аньела потеряли друг друга. Девушку привез в Париж и сдал на руки мадам М* верный Тьерри, самого же Альфреда все сочли погибшим.

Семья в трауре. Переписка родственников и друзей, оплакивающих жениха, сына, брата, племянника и командира в одном лице, растянулась на 34 страницы.

На самом деле Альфред конечно же остался жив. Он добрался до Вильны, где и попал в плен, сражаясь с напавшими на кучку отставших французов евреями и казаками. Партия пленных проследовала сначала до Москвы, и Альфред узнавал места, которые он проходил со своей подругой. В начале мая пленные прибыли в город Иранск (Iransk), где Альфред встретил своего друга и однополчанина Эжена, которого он мысленно давно похоронил. Партия Эжена шла до Костромы, и Альфред, обратившись к местному губернатору (*gouverneur*), добился разрешения проследовать туда вместе с другом.³¹⁴

В Костроме друзья пробыли около двух месяцев. В июне в городе было получено известие о якобы победе над французской армией под Баутценом. Народ был на седьмом небе от счастья, некоторые горожане поспешили «обрадовать» этими известиями пленных французов. Вечером, когда Альфред в тягостном настроении прогуливался по окраине города, к нему подошел пожилой человек, пообещавший устранить причину его огорчения. Старик объяснил, что он французский эмигрант и уже 20 лет живет в России, но чувство патриотизма еще не угасло в нем. Он плакал при известии о пожаре Москвы, но сегодня сочувствует боль соотечественников и хочет известить их, что французы не только не побеждены, но и прибавили славы своему оружию. Альфред поспешил обрадовать своих товарищей, и вскоре счастливые французы гуляли по городу среди не менее счастливых русских. Но эта радость дорого обошлась Альфреду и Эжену: они с еще двадцатью пленными были высланы в Вятку.

В пути до этого города им доводилось спать под одной крышей с преступниками, высылаемыми в Сибирь, приглашали их и в господские поместья, где французы наслаждались роскошью.³¹⁵ Один из помещиков, господин Р*, в доме которого друзья провели два дня, настолько привязался к ним, что обещал написать своему другу

³¹⁴ Речь идет об городе Яранске Вятской губернии. Партия военнопленных, в которой находился Арман Бургоэн, состоявшая из 1 штаб-, 13 обер-офицеров и 92 нижних чинов, в действительности уже прошла Кострому 9/21 августа 1813 г., прибыла в Яранск 30 августа/11 сентября и через несколько дней выступила в Вятку. Никакого губернатора в уездном городе, конечно, и быть не могло, как не было и офицера по имени Эжен в партии Бургоэна.

³¹⁵ В примечании Бургоэн пишет, что многие из этих господ забывали, что первый долг гостеприимства состоит в том, чтобы беречь чувства того, кто его получает. Нескончаемые политические разговоры часто омрачали эти встречи, так что пленные офицеры даже начали их избегать: *«хлеб гостеприимства горек, когда тот, кто его дает, не присоединяет к гуманизму деликатность»*.

вятскому губернатору, чтобы тот перевел французских офицеров в Казань, где сам господин Р* планировал провести зиму.³¹⁶

И вот после месячного пребывания в Вятке Альфред и Эжен дождались перевода в Казань, куда они прибыли в середине августа 1813 г.³¹⁷ Казанский губернатор Мансуров был исполнен сострадания к пленным, и его доброта смягчила их судьбу. В его доме французов хорошо принимали, и все общество говорило там только по-французски.

В один из вечеров в доме губернатора Альфреда из состояния задумчивости вывело несколько раз произнесенное знакомое имя. Прислушавшись к разговору, он с волнением узнал, что невестка Аньелы княгиня Л*, оказывается, живет в пригороде Казани. На следующий день он подходил к дому в глубине сада на берегу Волги, переживая, как его примет вдова погибшего в бою с французами офицера. Войдя в дом, он сразу же увидел двух играющих маленьких девочек в траурных одеждах, и по их внешности сразу же опознал племянниц Аньелы. Подошедшая мадам Л* благосклонно приняла пленного, а его рассказ о судьбах старой княгини и Аньелы, подтвержденный миниатюрным портретом последней, заставил её рыдать.

Альфред с Эженом стали проводить дни в доме княгини. Но плен тяготил их, а мысли о Франции и ждущих их там близких вызвали постоянную меланхолию. Пытаясь развеяться, Альфред гулял по окрестностям Казани, рисуя пейзажи и изображая рядом с собой Аньелу. Постепенно у него сформировался план побега на родину. Эжен поддержал друга. Они знали, что в случае поимки им грозит высылка в Сибирь, но решили рискнуть. Среди пленных в Казани находился поляк по фамилии Верный (Wierny), хорошо говоривший по-русски. Французы посвятили его в свои планы, и смелый молодой человек согласился бежать с ними. Княгиня сначала пыталась

³¹⁶ Следует иметь в виду, что гражданские губернаторы не обладали властью переводить пленных из одной транзитной партии в другую и, тем более, отсылать их в соседнюю губернию без соответствующего разрешения из Санкт-Петербурга.

³¹⁷ В действительности поручителем Армана Бургоэна стал не какой-то безвестный помещик, а известный дипломат, член Государственного совета, знаменитый «бриллиантовый» князь Александр Борисович Куракин, знавший покойного Бургоэна-отца в бытность того французским посланником в Дрездене. Узнав о положении Бургоэна-сына и его расстроенном здоровье (очевидно, из письма самого Армана из Яранска), князь принял в нем участие и обратился к Главнокомандующему в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинову и Вятскому гражданскому губернатору Ф.И. фон Брадке с просьбой помочь избрать пленнику для жительства более подходящий город – Казань, Астрахань, Тамбов или Воронеж. В результате первый распорядился, а второй исполнил повеление о переводе барона Армана Бургоэна (но только его!) в Казань, куда тот выехал 15/27 декабря в сопровождении дворянского заседателя Ивакина. И в Вятке, и в Казани Бургоэна не оставляли без внимания некие благодетели: он получил несколько писем, в том числе два с деньгами на общую сумму 1605 руб.

отговорить их, но, видя их решимость, снабдила беглецов санями (о лошадях ничего не говорится), деньгами, картой и компасом, чтобы они не заблудились «в этой пустынной стране». Осталось дожидаться начала зимы и замерзания рек. Наконец, в конце ноября, трое беглецов отправились в длинную и опасную поездку, чтобы пересечь четыреста лье вражеской территории и вернуться на родину.

Преодолевая по 15 лье в день, минуя города и останавливаясь на ночлег в лесных хижинах или домах крестьян, с которыми договаривался Верный, переодетый в крестьянскую одежду, друзья постепенно приближались к границам. Расспрашивая у жителей названия ближайших городов, они спешили искать их на карте, и таким образом ориентировались. В середине декабря, находясь уже на польских землях, беглецы заметили погоню, состоящую из дюжины всадников. Бросив сани и углубившись в лес, друзья потеряли друг друга. Поздно вечером Альфред встретил в лесу Верного, судьба же Эжена осталась неизвестной. Вдвоем они добрались до дома Верного, и после небольшого отдыха Альфред в январе 1814 г. отправился дальше один. Претерпев еще ряд злоключений, в мае он добрался до Парижа и упал в объятия матери и Аньелы.

Возможно, не стоило и уделять большого внимания этой книжке, если бы не тот факт, что её автор, пусть даже в такой беллетристической форме, **впервые** не рассказал широкой публике об условиях русского плена недавно закончившейся войны. Очевидно, что Арман Бургоэн, в действительности пробывший в Казани вплоть до освобождения в июне 1814 г., был искренен, когда рассказывал об этом своему брату: «...*французы увезли неизгладимые воспоминания о приёме, который они получили в этом городе [Казани], и никогда не забудут, что на другом конце Европы, в стране, с которой они тогда воевали, они нашли друзей и утешение*»³¹⁸.

В 1817 г. в том же Париже вышло «Путешествие французского офицера, пленного в России, на границы этой империи с Азией». Автором являлся Пьер Ноказ, в 1812 г. – капитан французского 2-го конно-егерского полка.³¹⁹ Основной текст книги построен, как и многие аналогичные мемуары, по схеме «участие автора в боевых действиях – пленение – конвоирование к месту проведения плена – проживание, общение с жителями, описание местности – освобождение». В книге упоминаются реальные лица и события, что подтверждается и другими источниками. Другими словами, то, что это именно воспоминания, не вызывает сомнения. Однако в собственно мемуары периодически вставлены письма автору от его хорошего

³¹⁸ Bourgoing 1815: 275.

³¹⁹ Voyage 1817. Мемуары Ноказа были изданы анонимно. Об их атрибуции см.: Попов, Хомченко 2007: 215-223.

знакомого польского офицера Микелли. Анализируя текст книги, мы пришли к выводу, что эти письма, как и сам Микелли, по всей видимости, вымышленные.

Впервые этот офицер появился на страницах книги после попадания автора в плен, «случайно» оказавшись в одной с ним партии военнопленных. По официальным документам был установлен и список этой партии, и то, что все пленные офицеры прибыли к месту назначения в Оренбургскую губернию. Никакого Микелли среди них не было. В книге же все сложилось несколько иначе. Во время нахождения партии в Симбирске Микелли совершил побег, пообещав сообщать о себе³²⁰. И вот Ноказу, где бы он ни находился (а переводили его с места на место четыре раза), начинают поступать письма от Микелли. Всего было получено шесть писем, датированных с 29 января 1813 по 15 октября 1814 г.,³²¹ причем, только в первый раз говорится, что доставил письмо некий поляк, в остальных же случаях почтальон оставался «за кадром». В письмах раскрывается трагическая и, конечно же, счастливая история этого офицера.

Итак, 20-летний шеф эскадрона польского уланского полка Микелли, сражаясь в 1807 г. под Фридландом, был взят в плен казачьим офицером, прекрасно говорящим по-французски, с хорошими манерами, но жестоким лицом. После заключения мира в Тильзите пленные французы были отправлены на родину, а вот поляки оставались в неволе. К Микелли подошел пленивший его офицер и представился как Шарль Волуки (Volouki), урожденный француз. Он, восхищаясь мужеством поляка, предложил ему дружбу и попросил помочь в одном предприятии, после чего пообещал освободить.

По дороге вглубь России разоткровенничавшийся Шарль рассказал, что раньше он служил во французском полку легкой пехоты, но поссорился со своим полковником и за несколько дней до битвы при Аустерлице перешел на сторону русских. Он был хорошо принят старшими офицерами и вскоре отправлен в Санкт-Петербург. Император Александр оказал ему милость, наградил почетными титулами и предложил отправиться во Францию, дабы узнавать о коварных планах Бонапарта. Прибыв в Париж под именем графа Л*, Волуки повел светскую жизнь и начал пользоваться успехом в обществе. Однако расходы были велики, русских рублей было недостаточно, и он решил добавить к ним французское золото. Опасаясь пронизывающего взгляда Наполеона, он все же сообщил ему

³²⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 172, об, 395, об.; Voyage 1817: 36-37.

³²¹ Voyage 1817: 55-56, 67-102. Еще одно противоречие: Ноказ, по его же собственным словам, отправился из Оренбургской губернии на родину 16 октября 1814 г., между тем как последнее письмо от Микелли, отправленное из Астрахани, датировано 15 октября. Предположить, что некто доставил это письмо на следующий день или догонял партию Ноказа в пути, конечно же, невозможно.

о своей миссии и предложил служить интересам французского императора. Наполеон согласился, приказал выдать Шарлю крупную сумму и через три месяца направил его почему-то в Москву. Прибыв на место, Волуки почти сразу был арестован и отправлен в Сибирь. Однако надолго он там не задержался – обманув здешнего губернатора, стражу и крестьян, испытав голод, усталость и другие лишения, преодолев горы и реки, Шарль прибыл в город К* (судя по тексту, где-то между Сибирью и Симбирском). Здесь проживал русский граф П*, чьего сына он знал по Варшаве. Выслушав рассказ о печальных приключениях, старый граф проникся сочувствием к дважды государственному преступнику. Другой сын графа, командир крупного казачьего подразделения, принял его к себе на службу и дал ему под команду роту казаков. Живя в доме графа П*, Шарль заодно влюбился в его дочь с загадочным русским именем Алексеевна (Alexiowna) и не менее загадочной русской душой – она отвергла его ухаживания. Вскоре Волуки со своим отрядом поехал воевать в Пруссию, где и взял в плен Микелли. Здесь он предложил молодому поляку вернуться в К*, помочь ему похитить красавицу Алексеевну и бежать из страны, после чего Микелли должен был получить обещанную свободу. Микелли, испытавший к Шарлю некоторое отвращение, посчитавший его интриганом без чести и порядочности, промолчал в ответ, что было расценено последним как согласие.

Вскоре спутники прибыли в К*. Пожилая графиня П* встретила их в трауре – она только что потеряла мужа. Вскоре подошла и Алексеевна, чье черное шелковое платье ещё ярче демонстрировало её молодость и красоту. Когда глаза Алексеевны и Микелли случайно встретились, облако затуманило взгляд молодого человека. Из состояния оцепенения его вывел только голос девушки, выражавшей ему своё сочувствие. К Шарлю она, напротив, отнеслась достаточно холодно. Огонь любви сжигал Микелли с каждым днем все сильнее. Он понял, что не сможет обмануть Алексеевну, и когда Шарль назначил день похищения, поляк гордо отказался.

В полночь Микелли проснулся от раздававшихся в доме шума и криков. Молодой человек прибежал к комнате Алексеевны и успел изгнать нескольких людей в черном. Девушка пообещала, что никогда не забудет этой услуги. Через несколько дней служанка позвала Микелли в аллею на свидание с Алексеевной, и та стала уговаривать его бежать на родину, обещая помощь. Но когда поляк, признаваясь в любви, опустился перед ней на колени и взял за руку, он неожиданно был поражен ударом шпаги и потерял сознание. Это вернулся домой брат Алексеевны, молодой граф П*, которого обманул сбежавший Шарль, оклеветав Микелли. Молодой человек выжил благодаря хорошему уходу и постоянному присутствию рядом объекта своей

любви. Когда он окончательно выздоровел, властям официально объявили о смерти военнопленного офицера и помогли ему вернуться в Польшу. Перед расставанием Алексеевна сама призналась ему в любви, подарила крупную сумму денег и взяла слово всегда помнить о ней и надеяться на встречу.

Через 5 лет Микелли повезло – началась новая война с Россией, его опять взяли в плен и повели через Симбирск, расположенный недалеко от К*. В итоге, как уже было сказано, во время ночевки Микелли бежал, выломав доску в сарае, и отправился в путь, поменяв по дороге у какого-то сильно пьющего попа свою шубу на татарскую одежду. Явившись к Алексеевне, которая все эти годы, конечно же, ждала обещанной встречи, он поселился на квартире знакомого по прошлому разу садовника и каждый день встречался с возлюбленной, мечтая, как они заживут после войны.

Однажды, прогуливаясь в пригороде К*, Микелли встретил Шарля, очевидно скрывавшегося в окрестностях последние 5 лет и не меньше Алексеевны ждавшего его возвращения. День мести пришел! Однако поединок не состоялся – заметив неподалеку двух агентов русской полиции, Шарль поспешил скрыться, назначив дуэль на завтра в том же месте, в тот же час, с любым оружием. Беглым поляком полицейские почему-то не заинтересовались, и он спокойно вернулся в город. На следующий день, взяв с садовника слово похоронить его в случае гибели, Микелли отправился в условленное место. Однако вместо Волуки там появился высокий красивый человек, глаза которого сверкали странным блеском. Он сказал, что Шарль скрывается от преследователей и не придет сюда. *«Оставь судьбе заботу о том, чтобы наказать виновного за его злодеяния. Когда солнце закончит свою работу и его лучи окрасят вершины гор и верхушки высоких елей и древних берез, ты увидишь и узнаешь о вечной справедливости... До свидания, молодой человек; у тебя будет удачный день, так как Разум этого хочет»*. Странный незнакомец ушел, но появился садовник, крича, что Шарль похищает Алексеевну. Вскочив на коней, они бросились в погоню и через 6 (шесть) часов доскакали до опушки леса, где увидели два трупа только что убитых людей, а рядом на дереве висел еще один. Микелли узнал в нем Шарля, вдобавок простреленного в нескольких местах (кто его подстрелил и подвесил, так и осталось тайной). В этот момент опять появился утретний незнакомец, указывающий рукой одновременно на север и на последние солнечные лучи, угасающие в ветвях деревьев. С севера раздавались крики Алексеевны. Бросившись туда Микелли увидел в ложбине карету, окруженную десятью вооруженными татарами. Наш герой приготовился к неравному бою и распрощался

уже было с жизнью, но тут неожиданно с казаками подоспел граф П*, и они перебили разбойников.

Граф пообещал добиваться прощения для Микелли при дворе в Санкт-Петербурге. Но поляк не верил в возможность этого, поэтому поехал в Астрахань, чтобы оттуда через Турцию перебраться в Польшу, а затем официально вернуться в К* и получить красавицу Алексеевну в супруги. Перед отъездом из Астрахани Микелли вновь встретил таинственного незнакомца, который начал вещать ему про Высшее Существо, желающее торжества Разума. Таким образом, Шарль, пренебрегавший законами вечной справедливости, был наказан, а Микелли Разум признал достойным. Незнакомец предсказал, что Микелли женится на Алексеевне, но увидит только два поколения своего потомства, потому что скоро начнется господство Совершенного Разума, *«когда число 15 последует за числом 19, а тридцать солнц будут в знаке Овна, тогда месячная звезда сильно ударит по рассудку, чтобы начать бесконечный век и остановить время.»*³²² *До свидания, будь счастлив, Микелли; будь верен, умен, осторожен и разумен».*

На этой ноте и подходит к концу история Микелли и Алексеевны. Вымышленность её и инородность на фоне логичного построения мемуаров Ноказа становится понятной почти сразу, однако не совсем ясно, кому принадлежит идея о включении этого достаточно обширного сюжета в текст книги. Самому ли автору мемуаров или издателям Планше и Бравесу, после успеха «Пленного в России»?³²³ Уж слишком явные параллели можно провести между письмами Альфреда и Микелли, их русскими невестами, красавицами и сиротами Аньелой и Алексеевной. Да и название первой книги является частью названия второй!

³²² В примечании издатели добавляют: действительно, *«один немецкий священник, написавший книгу [о конце света], уверяет читателей, что конец света наступит 20 марта 1915».*

³²³ Уж слишком активно в написанном издателями предисловии они пытаются доказать всю правдивость изложенного: *«Вы не найдете в этой книге праздных мыслей, заимствованных приукрашиваний или тщательного стиля, только правда водила пером нашего молодого офицера, который во всех обстоятельствах его жизни следовал законам чести и строгой порядочности... Он нам часто говорил: «Верьте в истинность всего, что содержится в этой рукописи... Будьте уверены, что я не использовал ни разу привилегию путешественников, которые судят издали».* Он просто описал то, что видел, или о чем узнал от надежных людей, и не был заинтересован в обмане, только истина направляла его перо, и мудрость всегда руководила его размышлениями» (Voyage 1817: X-XI). На заимствования у Бургоэна может указывать и то, что у русского города К*, где разворачиваются события, протекает река *Casinska*, которую вполне можно отождествить с реально существующей и упоминаемой Бургоэном Казанкой (*Casanka*). Таким образом, К* можно косвенно соотнести Казанью, хотя ничего не говорит о том, что К* - крупный город.

Рассмотренные нами издания стали одними из первых ласточек в череде увлекательных книг, написанных военнопленными или о военнопленных Русской кампании. Однако основная часть произведения Бургоэна и небольшая – Ноказа – являются, по сути, не мемуарами, а художественными произведениями. Сюжеты этих литературных вставок достаточно интересны, так и хочется предложить их западным сценаристам. И пусть в ответ на «*социально-значимый проект*» российской кинематографии – фильм «Василиса Кожина», «*захватывающую историю любви русской Жанны д'Арк Василисы Кожиной и французского офицера Блие на фоне кровопролитной войны 1812 года*»³²⁴ где-нибудь во Франции и Польше снимут просто хорошие фильмы о любви русской Лили Марлен – Аньелы и французского офицера Альфреда де М*, и русской Пенелопы – Алексеевны и польского офицера Микелли соответственно!

Список источников и литературы

ГАКО – Государственный архив Кировской области.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

Земцов 2007 – Земцов В.Н. Уральская провинция в 1812-1814 гг.: невероятная история одной мистификации // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2007.

НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан.

Общественный совет 2011 – Общественный совет по содействию Государственной комиссии по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года. Информационный бюллетень за 2010 год. М., 2011.

Попов, Хомченко 2007 – Попов А.И., Хомченко С.Н. Установление авторства анонимных мемуаров // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. (Труды ГИМ. Вып. 166). М., 2007.

Aniéla 1840 – Aniéla ou les prisonniers en Russie, esquisse historique et en trois tableaux de la campagne de 1812. Paris, 1840.

Bourgoing Leipzig 1815 – Bourgoing P. Der Gefangene in Russland. Eine Geschichte aus den merkwürdigen Jahren 1812, 1813 und 1814. Leipzig, 1815.

Bourgoing Wien 1816 – Bourgoing P. Der Gefangene in Rußland... Wien, 1816.

Bourgoing Frankfurt 1816 – Bourgoing P. Der Gefangene in Rußland... Frankfurt, 1816.

³²⁴ Общественный совет 2011: 74.

Bourgoing 1817 – Bourgoing P. De gevangene in Rusland. Eene geschiedenis uit de merkwaardige jaren 1812, 1813 en 1814. s.l., 1817.

Bourgoing 1815 – Bourgoing P. Le prisonnier en Russie. Paris, 1815.

Fuzellier 1991 – Fuzellier D. Journal de captivite en Russie. 1813-1814. Boulogne. 1991.

Voyage 1817 – Voyage d'un officier francais, prisonnier en Russie, sur les frontieres de cet empire, du cote de l'Asie. Paris, 1817.

S. N. Khomchenko

FICTIONAL STORIES IN THE MEMOIRS OF FRENCH PRISONERS OF WAR 1812-1814

There are more than a hundred personnel of the Grand Army of memories that were in Russian captivity in 1812-1814. However, some memoirs or publishers, primarily French, allowed themselves to enter in his memoirs completely fictional stories mostly lyrical. One of the first books telling the public about the conditions of Russian prisoners of war recently completed, was published in Paris in 1815 and 1817 "Prisoner in Russia" and "Travel of a French officer ...". The article is an attempt to identify the «fantastical» nature of fragments of these books.

Key words: Era of 1812, Russian province, prisoners of war, memoirs, art fiction.